

Сознание Чи Шэня тонуло в тягучем мареве, но сквозь пелену забытья он вдруг услышал отчаянный крик Сян Тянью. Мальчик с трудом перевернулся, вглядываясь в пространство, и действительно увидел того, о ком тосковал всем сердцем. Сян Тянью мчался к нему на пределе сил. Чи Шэнь хотел было привести себя в порядок, сбросить облик поверженного зверя, но в итоге лишь вымученно усмехнулся.

Сердце Сян Тянью рухнуло в бездну. Троица его спутников тоже почувяла неладное и прибавила ходу. Дунмэнь Сы, не сомневаясь, что его смертельный удар достиг цели и Чи Шэню не выжить, больше всего боялся, что добыча достанется врагу. Он хищно взмахнул мечом, намереваясь срезать три кошелья с пояса мальчика.

Но стоило клинку приблизиться, как воздух прошила молниеносная вспышка сокровенной силы. Дунмэнь Сы пришлось резко отпрянуть и закрыться мечом. Эта атака только казалась обычной — скрытая в ней мощь была подобна неостановимому приливу. Принца отбросило на добрых три метра, прежде чем он сумел затормозить, впахивая каблуки в землю.

Сян Тянью подхватил Чи Шэня, бережно прижимая его к груди. Пальцы его замелькали, нанося быстрые удары по ключевым точкам Инь и Ян, в надежде запечатать каналы и остановить потерю крови. Следом он разжал челюсти мальчика и вложил в рот лазурную пилюлю.

Чи Шэнь почувствовал, как мелко дрожат руки названного брата, и в голове его пронеслась странная, почти неуместная мысль: «Надо же, я и не знал, что Гэгэ умеет так теряться и нервничать. Видно, и впрямь он меня любит... И рана моя так тяжка, что даже его сердце дрогнуло».

Жар жизни стремительно покидал тело; все те редкие снадобья, что он поглощал в последнее время, оказались бесполезны. Мальчика забил озноб. Целебная пилюля лежала на языке, но у него не хватало сил даже на то, чтобы просто сглотнуть. Чи Шэнь понимал: время вышло. Он позволил лекарству медленно таять во рту, надеясь, что хоть капля целебной влаги просочится внутрь.

Дунмэнь Си и Яо Синьжо замерли по сторонам, молча перекрывая Дунмэнь Сы путь к отступлению. Подоспевший У Юнь опустил рядом с Чи Шэнем, нащупал его пульс и спустя мгновение медленно убрал руку. Он посмотрел на Сян Тянью, но так и не нашел слов.

Принцесса Дунмэнь Си всегда знала, что её тринадцатый брат холоден и беспристрастен, но сегодня она впервые осознала, насколько он может быть беспощаден. Поднять меч на ребенка, которому едва исполнилось десять лет... В её голосе прозвучала неприкрытая ярость:

— Тринадцатый брат! Что же такое произошло, что ты решил так жестоко расправиться с Сян Сяобао?

Дунмэнь Сы даже не взглянул на раненого. Его взгляд застыл.

— Этот мелкий воришка похитил эссенцию крови Золотого Пэнла. Я поймал его с поличным, но он и не думал каяться, решив сбежать с сокровищем. Он попрал величие императорского рода, а за это — только смерть!

Яо Синьжо и У Юнь нахмурились.

— Всё можно было решить миром, — воскликнула девушка. — Ваше Высочество, вы слишком жестоки!

— Знать... вечно у них одни и те же повадки, — сквозь зубы процедил У Юнь.

Сян Тянью резким движением подхватил Чи Шэнь на руки.

— Не бойся, — мягко прошептал он, стараясь унять дрожь в голосе. — Рана глубока, но мы успеем. Мы сейчас же уйдем отсюда, я найду лучшего лекаря на всем Континенте Сюаньюань, и он тебя исцелит.

Чи Шэнь с трудом приоткрыл веки.

— Гэгэ... не надо, — прохрипел он, и изо рта его хлынула кровь.

Он выглядел жалко: волосы спутались, лицо и руки в копоти и грязи. Тот, кто всегда старался быть опрятным, сейчас умирал в бесчестье и муках. Глядя на него, даже У Юнь и девушки не выдержали — отвели глаза, не в силах сдержать сострадания.

— Я... я вряд ли выберусь из этой сокровищницы живым. Кха... Слушай, мне нужно кое-что сказать тебе.

Глаза Сян Тянью затуманились от слез.

— Говори, я слушаю. Каждое слово.

— Есть дело... которое гложет меня. В тот день, когда я уходил из дома, брат Хэйдань просил купить ему подарок... фонарик в виде золотой обезьянки. Я столько раз обещал и не сдержал слова. Мне стыдно перед ним. Прошу... купи и отвези его ему за меня.

— Хорошо, — глухо отозвался Сян Тянью. — Сделаю. Обязательно.

Чи Шэнь с нечеловеческим усилием поднял руку и засунул то, что сжимал в ладони, за ворот Сян Тянью. Из-под ткани показался лишь кончик гладкой белой кости с бирюзовой пробкой. Взгляд мальчика начал тускнеть, он захлебывался кровавой пеной, но продолжал шептать:

— Это кровь сердца Облачного Пэнла... Она чудесная, она очень тебе поможет. Я добыл её специально для тебя... и никому... слышишь, никому другому не отдавай...

Сян Тянью, обладавший колоссальной силой, мгновенно почувствовал, как жизнь покинула хрупкое тело в его руках. Его взгляд застыл. Он не мог в это поверить; даже слезы высохли, не успев пролиться. В голове вспыхнула острая, невыносимая боль, словно в череп вогнали раскаленную иглу. Он пошатнулся, едва не рухнув на колени под тяжестью этой внезапной пустоты.

Все четверо поняли — конец. Лицо У Юня осунулось, он словно постарел на несколько лет. Яо Синьжо переводила взгляд с одного на другого, не в силах вымолвить ни слова. Лишь Дунмэнь Сы сохранял ледяное спокойствие. Он нетерпеливо направил острие меча в спину Сян Тянью.

— Кто виноват, что он переоценил свои силы и пошел против меня? Сян Тянью, если ты дорожишь своей шкурой, живо отдавай то, что он спрятал. Не доводи до кровопролития.

— Замолкни! — вскинулась Дунмэнь Си. Её брови сошлись на переносице. — В сокровищнице горы Цаньшань каждый берет то, что может. Если Сян Сяобао сумел сам добыть эссенцию крови, ты не имел права вмешиваться. И твои слова — лишь пустой звук, пока отец-император не рассудит, кто прав, а кто виноват.

— Не нужно, — Сян Тянью начал снимать свою верхнюю накидку из лунной газовой ткани. Он скрутил её в жгут, обвязал вокруг талии Чи Шэня, пропустил под бедрами и, закинув руки мальчика себе на плечи, крепко привязал его к своей спине. — Мне не о чем говорить с мертвецом.

Принцесса побледнела, понимая, к чему всё идет. Она обнажила меч, преграждая путь к брату. Каким бы подлецом ни был Дунмэнь Сы, в его жилах текла императорская кровь, и она не могла позволить Сян Тянью казнить его на месте.

Сян Тянью был пугающе спокоен. Вокруг него начал сгущаться бледный туман, а волны сокровенной энергии, видимые глазом, потекли к его кулакам. Дунмэнь Си содрогнулась: «Великий круг врат Сяньтянь... Так вот какова эта мощь. Одно лишь давление заставляет легкие гореть».

У Юнь потянул за собой Яо Синьжо:

— Когда ударит сокровенная сила, мечи будут бессильны. Отойди, если не хочешь пострадать.

Они отступили к стене, оставаясь лишь сторонними наблюдателями.

Яо Синьжо кусала губы: «А-Си пытается спасти тринадцатого принца... Я её подруга, я должна помочь, если станет совсем худо».

Видя, что принцесса не отступает, Сян Тянью едва заметно качнул головой.

— Бао-эр ушел в загробный мир один. Ему будет там одиноко, его станут обижать злые духи. Сегодня я отправлю Дунмэнь Сы вслед за ним, чтобы он расчищал ему дорогу. Пусть перед лицом Янь-вана они решат, кто прав. А в следующей жизни... пусть этот принц родится псом у ног Бао-эра, чтобы отгонять от него негодяев. Так он искупит свой нынешний грех.

Дунмэнь Сы, и без того взвинченный, вскипел от таких слов. Он перепрыгнул через сестру с криком:

— Сестра, помоги мне убить этого безумца!

Пять острейших лезвий энергии, сопровождаемых стрекотом цикад, сорвались с его клинка и устремились к лицу Сян Тянью. Но на полпути они просто... рассыпались. Исчезли, не оставив следа.

Сян Тянью сжал кулаки. Его взгляд, до того холодный, вспыхнул яростным пламенем. Бесчисленные струи сокровенной силы вокруг него запели на высокой, режущей слух ноте, закручиваясь в воздухе в призрачные копыя ветра. Они рванулись вперед, нацеленные в Дунмэнь Сы и преградившую путь принцессу.

Дунмэнь Си, собрав всю волю, ощутила эту запредельную жажду крови. Она поняла, что дело кончено. Направив всю энергию в ноги, она отпрянула назад, одновременно выплеснув восемнадцать ударов мечом, создавших перед ней полукруглый щит. Лишь чудом ей удалось отразить три ветряных копыя. Она выстояла, но руки и ноги мгновенно ослабли. Взглянув на брата, принцесса смертельно побледнела.

Дунмэнь Сы некуда было бежать. Копья ветра одно за другим вонзались в его тело. Он раздулся, точно кожаный бурдюк, одежда натянулась до предела. Изящный принц в одно мгновение превратился в бесформенную тушу. Раздался резкий хлопок — расшитый яшмой пояс лопнул, и следом лопнул сам принц. Кровавый дождь и ошметки плоти разлетелись во все стороны, окропив выживших.

Сян Тянью силой сокрушил запрет, наложенный на него Дао Цзуном, и этот рывок выпил его досуха. К тому же он нарушил правила десятого уровня сокровищницы. Пространство вокруг него задрожало и исказилось, готовясь выбросить нарушителя вон.

У Юнь, среагировав мгновенно, выхватил некий предмет из-за пазухи и швырнул его Сян Тянью:

— Лови!

Сян Тянью на лету перехватил жетон Прорыва Тайны. Артефакт отозвался на колебания

пространства; узоры на его сторонах вспыхнули ослепительным светом, окутывая живого и мертвого. Мгновение — и они исчезли, перенесясь ко входу в пещеру.

Охрана, не простоявшая на посту и дня, была ошеломлена внезапным появлением беглеца. Но не успели они вымолвить и слова, как над головами громом раскатился властный мужской голос:

— Сян Тянью убил тринадцатого принца императорской крови! Схватить его немедленно! В случае сопротивления — убить на месте!

Тридцать гвардейцев внутреннего круга, услышав приказ Лунди, мгновенно перестроились. В воздух взвились три волны стрел. Реакция была безупречной. Девяносто легких стрел с оперением из перьев луня сорвались с тетив. Их наконечники, тонкие, как иглы, были пропитаны сильнейшим ядом. У каждого гвардейца в колчане было по тридцать таких стрел — даже мастеру сокровенного мастерства не стоило испытывать судьбу.

Сян Тянью закрутился волчком, отбивая снаряды, но, коснувшись земли, почувствовал, как в груди спёрло дыхание. В горле вскипел привкус крови. Сломленный запрет и убийство мастера восьмого уровня Сяньтянь стоили ему шестидесяти процентов сокровенной силы. На пределе истощения он пропустил несколько стрел — они впились в плечо и бедро. Слыша топот десятков ног, он понял: внешняя охрана уже близко.

Будь он в полной силе, эти стражники не стоили бы его внимания. Но сейчас, с телом Чи Шэня за спиной, принимать бой было безумием. Сян Тянью рванулся вверх, перелетая через скалы, точно птица.

Стража не обладала такой легкостью, но они знали эти горы как свои пять пальцев. Они преследовали его по пятам, не давая скрыться из виду. На полпути сверху посыпались листья, точно стая встревоженных птиц. Преследователи радостно закричали:

— Восемь Гвардейцев Чжуцюэ! Они здесь!

Сян Тянью почувствовал, как внутри всё похолодело. О тридцати шести гвардейцах императорского двора ходили легенды. Десять Черных Воронов — восьмой уровень, десять Белых Лис — девятый, восемь Иволог — десятый... А эти восемь, Гвардейцы Чжуцюэ, достигли одиннадцатого уровня Сяньтянь. Выше них были только трое тайных стражей Синего Дракона, охранявших лично императора.

Восемь воинов в красном явно ждали в засаде. Техника Красной Птицы была беспощадна и уступала лишь мощи Синего Дракона. В любой другой день Сян Тянью с радостью бы померился с ними силами, но не сейчас.

Израженный, неся на спине холодеющее тело Бао-эра, он чувствовал, как расстояние между ним и восьмеркой неумолимо сокращается.

<http://bllate.org/book/17417/1659240>